ЖП
45
К29

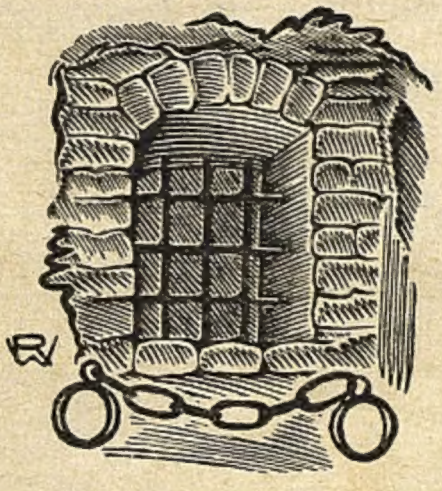
П
45
29

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА И ССЫЛКА"

В. Н. КАТИН-ЯРЦЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТАЧКА

(К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТАЧКИ 1896 г.)



МОСКВА
1926

7

90692/16

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

№ 7

В. Н. КАТИН-ЯРЦЕВ

337.89(47.71

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТАЧКА

(К тридцатилетию Петербургской стачки 1896 г.)

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ Инв. № 90692/10

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва—1926

Москва. Главлит № 63.351. 16.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Проклятье ему, королю всех счастливых:
Не жаль ему нас, бедняков терпеливых.
Последний он грош отнимает у нас...
«Стрелять по собакам!» — он отдал приказ.
«ТКАЧ» (из Гейне).

На заре капиталистического развития на Западе классовый антагонизм рабочих по отношению к хозяевам выливался в бунты, разрушение машин, стихийные проявления классовой розни... С течением времени, однако, классовый инстинкт направил борьбу рабочих в иное русло. „Действия скопом"—как выражался в таких случаях дореволюционный закон—приняли другую форму. Стачка—коллективный отказ от работы с пред'явлением условий, на которых работа может продолжаться—издавна уже служила орудием борьбы рабочих за улучшение своего положения. Многими своими чертами эти первые стачки не отличались и от позднейших стачек. Не собираясь давать сейчас читателю историю стачек, я все же считаю необходимым сделать историческую экскурсию в эпоху, на четверть века предшествовавшую интересующим нас событиям. В статье „Питомец воспитательного дома"—автобиография одного из первых в России рабочих-социалистов, Василия Герасимова [1])—описывается стачка на Кренгольмской мануфактуре (г. Нарва) в 1872 году. Способы эксплоатации рабочего, таким махровым цветом распустившиеся

[1]) «Былое», 1906 г. июнь.

в позднейшую эпоху, когда „судьбы капитализма“ в России определялись, не чужды уже были и семидесятым годам. Предоставим слово нашему автору: „Дело было так. Наша фабрика, Кренгольмская мануфактура, существует с 1858 года. Со времени ее открытия работа происходила при следующих условиях: начиналась она в половине шестого утра и продолжалась до 8 часов вечера. На обед давали $1^1/_2$ часа; работа была поштучная; куски были по 45 арш. длиной, и за кусок, т.-е. за штуку, платили 50 коп.; за ломку машин не штрафовали ткачей. Большой выработки не требовали, а только поощряли ее, давая тому, кто мог сработать 25 кусков в месяц, награду от 5 до 10 рублей. При этих условиях работа продолжалась недолго. Уже в 1860 году хозяева, видя, что ткачи выучились отлично работать, начинают вводить одну прижимку за другой“. Далее описывается так хорошо нам впоследствии известная система этих „прижимок“: понижение расценок куска, увеличение длины его постепенно до 60 арш. при старой расценке и т. д. Атмосфера настолько накалилась, что незначительного повода в виде распоряжения открыть окна для вентиляции оказалось достаточно, чтобы вспыхнула стачка.

„... Для нашего усмирения,— продолжает автор,— скоро явились войска. Мы приготовились к защите и разделили свои силы на три партии... На другой день солдаты, по приказанию начальства, стали гнать нас на работу. Начались схватки между нами и солдатами. Хотя солдат был целый полк, но так как им не приказано было стрелять (позже эти нежности оставили—„патронов не жалели“.— *К.-Я.*), то они не могли с нами справиться“... Стачка окончилась частичным удовлетворением требований рабочих. Но „борьба жертв искупительных просит“: трое рабочих были приговорены

к каторжным работам на восемь лет... „Остальных подсудимых сослали в Архангельскую губернию,— некоторых—на один год, других—на полгода".

Картина этой стачки рабочим позднейшего поколения могла бы, пожалуй, показаться описанием стачки где-либо у Торнтона или на Новой канаве [1]). Но были некоторые особенности. За стачку перестали потом ссылать на каторгу, а высылки приобрели массовый характер. Но самым главным отличием позднейших стачек, стачек 90-х годов, явилось развитие классового самосознания. В стачках стал звучать политический мотив, мотив борьбы за освобождение рабочего класса. Рабочее движение стало сознательным движением рабочих масс. Историческое значение летней стачки петербургских ткачей и прядильщиков 1896 г. в том и заключается, что она является поворотным пунктом рабочего движения, что она революционизировала рабочих, что на место классового инстинкта она поставила пробудившееся классовое самосознание рабочего класса. Это стало возможно вследствие колоссального развития промышленности. Каков был рост промышленности, видно из следующих цифр: из фабрично-ремесленных заведений в годы 1871—80 было основано—2.100, с 1891—1900 г.г.—5.788 [2]). „Обращаясь к хлопчато-бумажной промышленности, мы видим, что в течение 10-летнего периода 1890—99 г.г. число прядильных фабрик с 66 возросло до 109, или увеличилось на 65%, число прядильных веретен возросло с 3.457.000 до 6.091.000, или увеличилось на 76% [3]); число ткацких фабрик с 83 возросло до 118, или увеличилось на 41%, а число самоткацких станков

[1]) Обводный канал.

[2]) Проф. Финн-Енотаевский. «Современное хозяйство России». СПБ, 1911.

[3]) В Европе за это время число веретен возросло на 33%.

с 87.190 возросло до 145.842, или увеличилось на 67%. Количество пудов переработанного хлопка составляло в 1890 году—8.328.000, в 1899 году—16.127.000; количество пудов изготовленного сырого товара составляло в 1890 году 6.671.000, в 1899 г.—11.596.000. Количество аршин изготовленных суровых тканей (принимая 400 аршин в один пуд) составляло в 1890 г.—2.680 млн., в 1899 г.—4.640 млн., или увеличилось на 73%; на каждого жителя в России приходилось суровых тканей в 1890 г. (при 115,5 млн. населения) 23 арш., в 1899 г. (при 129,7 млн. населения) 36 арш. [1]).

С ростом промышленности росла и эксплоатация рабочего класса, росло и развивалось рабочее движение, в чем правительство не всегда отдавало себе отчет. „Уже в промежуток 1895—97 г.г. число стачечников, по отчетам фабричной инспекции, увеличилось вдвое. Еще в 1895 году, в самом конце, министр финансов в секретном циркуляре фабричным инспекторам писал: „В России, к счастью, не существует рабочего класса в том смысле и значении, как на Западе, и потому не существует и рабочего вопроса, и тот и другой не будут и не могут иметь у нас почвы для своего рождения,—если только фабричная инспекция не будет дремать". А меньше, чем через два года министр внутренних дел писал, столь же секретно, губернаторам: „забастовки фабричных, заводских и даже цеховых рабочих сделались заурядным явлением во многих городах с более или менее значительным рабочим населением".

---

[1]) Брандт. «Торгово-Промышленный кризис», ч. II, стр. 17—18. Цитировано по хрестоматии «Экономическое развитие России со второй половины XIX века до февральской революции 1917 г.». Составили Н. Ванаг и С. Томсинский. Сев.-Кавказск. краев. парт. из-во «Буревестник». Ростов н/Д, 1925 г.

...Но начальство было испугано... проявлением сознательности движения... „Отличительными признаками всех этих стачек, — писал в помянутом выше циркуляре министр внутренних дел о забастовках 1896—97 г.г.,—представляются: пред'явление рабочими одних и тех же, точно формулированных требований, единодушное упорство в отстаивании своих домогательств и сохранение стачечниками внешнего порядка и спокойствия". Последнее было особенно ужасно,— прибавляет М. Покровский, у которого я заимствую вышеприведенные строки, — ибо ставило в совершенный тупик полицию, привыкшую „усмирять" рабочие „беспорядки" [1].

Царствование Николая II с первых же лет ознаменовалось могучим развитием рабочего движения. Жалкая фигура царя, служившего пешкой в руках приближенных, как-будто создана была для того, чтобы разрушить престиж царской власти. В широких кругах „общества" с переменой царствования связывались ожидания „буржуазных свобод". „Бессмысленными мечтаниями" заклеймил новый царь эти розовые надежды. По устаревшему закону стачки являлись уголовно наказуемым деянием, но закон этот настолько уже отжил, что власти и не думали предавать рабочих суду, а предпочитали расправляться административно... Царское „спасибо" молодцам-фанагорийцам (солдатам Фанагорийского гренадерского полка), давшим весной 1895 года дружный залп по толпе забастовавших рабочих Корзинкинской мануфактуры в Ярославле, показывает, как далеко ушло царское правительство, за четверть века перед тем не справившееся

---

[1]) М. Покровский. «Русская история в самом сжатом очерке», часть III, вып. 1. Изд. «Красная Новь». М., 1923.

при помощи полка солдат с нарвскими забастовщиками. Этот залп пробудил политическое сознание рабочей массы. А вслед за Ходынской катастрофой во время коронационных торжеств в Первопрестольной последовала, в связи с теми же торжествами, знаменитая стачка ткачей и прядильщиков в Петербурге. Я говорю — „в связи с коронационными торжествами" потому, что ближайшим поводом к стачке послужила неуплата за коронационные дни. Фабрики не работали в дни коронации, но хозяева хотели, чтобы рабочие гуляли за свой собственный счет. Хотя еще верноподданнические иллюзии у рабочих не были изжиты, тем не менее, они оказались недостаточно преданными монархии и покрывать из своих более чем скудных заработков дефицит невольного прогула не хотели. Они забастовали. Недовольство рабочих росло давно. То на одной, то на другой фабрике оно прорывалось наружу. То здесь, то там вспыхивали стачки, как бы предвещая грядущие события. В январе 1895 года произошла стачка в гавани, осенью того же года—на табачной фабрике „Лаферм", на суконной фабрике Торнтона и на Резиновой мануфактуре. Намечавшийся массовый характер рабочего движения всколыхнул социал-демократические кружки, до того занимавшиеся исключительно революционной пропагандой. Рабочие кружки, где вырабатывались сознательные революционеры-социал-демократы, уже перестали отвечать требованиям жизни. Лозунгом момента стал переход от пропаганды к агитации. Возникшая в конце 1895 года социал-демократическая организация, принявшая, по предложению Ю. О. Цедербаума (Мартова) [1]), название „Союз борьбы за освобождение рабочего

[1]) Ю. О. Мартов «Записки социал-демократа». 1924 г.

класса", не была многочисленной, но имела во главе такие крупные имена, как В. И. Ульянов (Ленин), Ю. О. Цедербаум (Мартов), А. Н. Потресов и др.

Из рабочих выделялись: И. В. Бабушкин, Шелгунов, Зиновьев, Карамышев. Собирая по возможности подробные сведения о положении дел на фабриках, „Союз борьбы" в выпускаемых им прокламациях формулирует требования рабочих. О существовании своем „Союз" официально заявил 15 декабря 1895 года. Дальнейшие события доказали жизненность этой организации. Несмотря на систематические и многочисленные аресты, организация крепла и развивалась, вбирая в себя более мелкие группы и отдельных социал-демократов. Благополучно вышла первомайская прокламация „Союза борьбы"...

Менее политически развитым, но наиболее горючим материалом, наиболее доступным агитации являлись ткачи и прядильщики. Условия труда на фабриках именно текстильной промышленности резко отличались от условий труда на металлических заводах. На Екатерингофской, напр., работали 15 часов, на Митрофаньевской — $14^1/_2$, при чем начинали минут на 5—10 раньше, а кончали минут на 5—10 позже установленного срока. Так создавалась прибавочная стоимость.

Не даром издававшийся нелегально в 1896 году „Листок Работника" отмечает, что, хотя официальной причиной стачки выставлялась неуплата за коронационные дни, но это „не совсем так". Фабриканты пускались на всякие ухищрения, чтобы больше „заработать". Образчик этих ухищрений мы уже видели за четверть века перед тем. Непосредственно перед интересующими нас событиями Говард, управляющий на Новой бумагопрядильне, кладет на рабочей книжке штем-

пель, что рабочий нанят на 5 недель, т.-е. на определенный срок; это дает возможность платить рабочим один раз в месяц. У ткачей плата поштучная, с куска ткани. Кусок ткани содержит известное число аршин. „Для измерения такого куска ткани, — сообщается в статье „Стачка рабочих с.-петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик“ [1]), — ее при приеме наматывают на вал. Через каждые несколько аршин (скажем, через пять) кладется механически и автоматически метка, а потом сосчитывают число меток. Что же делает фабрикант? Он передвигает метку так, что если раньше расстояние между метками было 5 аршин, то теперь оно становится $5^1/_2$. Таким образом, кусок в 63—66 арш. сходит за 60 аршин“.

Стачка началась на Обводном канале. Первой стала „Российская“, или „Калинкинская“ мануфактура: „... подручные явились в контору и потребовали уплаты за коронационные дни. Контора выдала деньги. Подоспел фабричный инспектор. Подручные заявили, что они требуют также уплаты за те лишние минуты, которые они работают ежедневно благодаря тому, что машины пускаются раньше положенного времени. На фабрике шли сильные волнения. На другой день, проработав до обеда, фабрика стала до 27 числа. В этот день опять было начали работать, но после обеда все окончательно бросили работу [2])“. Волна забастовок разлилась по целому ряду фабрик, которые останавливались одна за другой. Правительственное сообщение насчитывало число забастовавших рабочих около 15.000, а по сведениям „Союза“ это число доходило до 30 — 35 тысяч.

---

[1]) «Листок Работника». Вых. непериодически. Изд. «Союза русских социал-демократов», № 1, ноябрь 1896 года.

[2]) К. М. Тахтарев. Рабочее движение в Петербурге (1893—1901 г.г.). Изд. «Прибой». Л. 1924 г.

Название фабрики.	Продолжительн. стачки.	Количество рабочих.	
		Офиц. сведен.	Действительное.
Российская (Калинкинская) мануфактура.	23—25. V—27. V —10. VI	700	1000
Екатерингофская. .	27. V— 5. VI	653	800—900
Кениги (больш. и малая)	28. V— 3. VI	1063	около 3000
Митрофаньевская. .	28. V— 4. VI	700	1000
Триумфальн. (Шау)	29. V— 7. VI	280	около 1000
Невская бум.-прядильня . . . . Невская ниточная	30. V—12. VI	1460 ?	5—6000
Новая бумагопрядильня	30. V—12. 15. VI	1635	2500—3000
Кожевниковская. .	30. V—12. VI	450	800
Спасская Петровская	1—15. VI. Максвеля.	1255 1379	4000
Паль (Алекс.-Невск.)	1—15. VI.	646	800
Старо-Самсоньевск..	3—17. VI.	1401	?
Ново-Самсоньевск. .	3—13. VI.	405	?
Охтенская	3— 7. VI.	470	1000
Бэка (Петерб. стор.)	4— 7. VI.	?	800
Воронина (на Резвом).	—	?	1000
Степанова (ватная).	28. V — 1. VI.	?	160
Воронина, б. Гука .	6. VI	400	400
Жукова (прядильная):	27. V —13. VI.	?	400
Никольская	3. VI	700	?
Мальцева	?	?	?
Александровск. чугунно-лит. зав. .	8. VI— 9. VI	1757	3000
Варгунина (писчебумажн.)	?	451	?
Шухов (сахарн. зав.)	?	?	?
Путиловский завод.	—	—	1000 слесарей.

К такой цифре пришел тов. Манин (псевдоним,— настоящая фамилия Иванов), которому „Союз борьбы" поручил составить историю стачки, и эта цифра уже принята в литературе. Сведения о продолжительности стачки и о числе забастовавших [1]) приводятся в таблице на стр. 11.

Стачечного комитета не существовало, но попытки организованности действий уже замечались. Так, в Екатерингофском парке собирались представители забастовавших фабрик, — человек до ста,—обсуждали требования рабочих, каковые и передали „Союзу борьбы". Появилась рукописная прокламация, озаглавленная „Воззвание к рабочим [2])". Она предшествовала прокламациям „Союза".

С нее и начнем.

Воззвание к рабочим.

„Товарищи! Я хорошо в том уверен, что очень немногие из вас знают о том, что делается на Обводном канале. Там с обеда во вторник работала одна только Новая бумагопрядильная фабрика, а все остальные не работали. Вы меня, конечно, спросите, как и почему они не работали. Очень просто, товарищи: там, как видно, наши братья-рабочие поняли, что 15-часовой рабочий день выгоден для хозяев, но слишком вреден для рабочих. Вот это-то человеческое сознание побудило их прекратить работы и требовать сокращения рабочего дня на $2^1/_2$ часа.

---

[1]) «Наше время». Сборник свободной печати, 1897 г. Изд. Общества «Народного права». Статья «Петербургская стачка» (нелег. изд.).

[2]) Эта и большинство нижеприводимых прокламаций помещены в нелегальных изданиях 1896—97 г.г., как «Работник», сборник «Наше Время» и пр., а также—и в книге К. М. Тахтарева; имеются и в подлинниках—в историко-рев. архиве Ленинградского истпарта.

Товарищи! Последуем же и мы их примеру. Потребуем и мы дружно в один голос сокращения рабочего дня на столько же, на сколько требуют наши ново-канавские братья, т.-е. на $2^1/_2$ часа. Довольно с них того, что они будут пить нашу кровь 10 или 11 часов, а никак не 14—15 часов в сутки".

Следующие прокламации „Союза борьбы" формулируют требования забастовавших рабочих.

«Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен и ткацких?

1) Мы хотим, чтобы рабочий день у нас продолжался от 7 часов утра до 7 часов вечера, вместо теперешних от 6 час. утра до 8 час. вечера.

2) Чтобы обеденное время длилось полтора часа, и таким образом весь рабочий день продолжался $10^1/_2$ часов, вместо 13 часов.

3) Чтобы расценки были повышены так, чтобы наши заработки не уменьшались бы.

4) Чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 часа.

5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени.

6) Чтобы заработок за первую половину месяца выдавали правильно и во-время, а не оттягивали.

7) Чтобы было заплачено сполна за коронационные дни.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

30 мая 1896 г.».

«К рабочим всех петербургских бумагопрядилен.

Долго терпели мы, рабочие петербургских бумагопрядилен, и, наконец, не выдержали. Невтерпеж нам больше стало работать до изнеможения

сил, сносить хозяйские прижимки, видеть, как каждый день нас обсчитывают и обвешивают, как чуть не каждые полгода сбавляют расценок. А в последние дни пуще прежнего проявилась жадность хозяев. Жалко нашим богачам стало даже тех грошей, что причитались нам за дни коронации; не захотели они и отдохнуть-то дать хорошенько от работы: такая, мол, это скотина, что в отдыхе особенно не нуждается.

„Довольно!—сказали мы тогда себе.—Довольно мы молча и безропотно слушались наших хозяев. Долго мы ждали от них улучшения своего положения, но ничего не дождались!“ И решили мы сами добиваться всего. Не хотят они уступить, будем мы требовать. А нужно нам требовать прежде всего:

1) Чтобы рабочий день продолжался от 7 часов утра до 7 часов вечера и с полуторачасовым перерывом на обед, т. е. всего $10^1/_2$ часов; чтобы в субботу везде шабашили в 2 часа.

2) Чтобы расценки были повышены так, чтобы заработки особенно не уменьшились.

3) Чтобы были уничтожены все несправедливые, незаконные прижимки и чтобы было заплачено за коронационные дни.

Будем спокойно выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требования. Не уступят они через неделю, будем ждать вторую; не сдадутся на второй, подождем третью; не согласятся и тогда, еще будем ждать. Довольно с них будет нашего каторжного труда и в течение $10^1/_2$ часов. Достаточно они прибыли и без того от нас имеют.

Товарищи! Будем помнить, что взоры рабочих всего мира обращены теперь на нас. Они с восторгом приветствуют в нас борцов за рабочее дело. Петербургские рабочие всячески стараются

притти к нам на помощь, устраивая по мастерским сборы в нашу пользу.

Покажем и мы, что рабочий народ умеет добиваться исполнения своих требований. Будем действовать дружно и спокойно, без буйств и насилий, и победа, наверное, останется за нами.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

1 июня 1896 г.».

Кроме требований, изложенных в прокламациях „Союза" от имени всех забастовавших рабочих, на некоторых фабриках рабочие выставляли и свои требования. Вот, напримеp, требования ткачей фабрики Лебедева:

„Мы требуем:

1) Чтобы наши арестованные товарищи были немедленно выпущены и приняты вновь на фабрику.

2) Чтобы был восстановлен старый заработок, бывший до 15 декабря. Для этого пусть хозяин введет прежнюю длину куска и плату за кусок набавит. На 40 коп. в день мы жить не можем.

3) Чтобы расчетные книжки выдавались рабочим на руки, как требуется законом.

Товарищи всех отделений! Поддерживайте ваши справедливые требования".

Издано «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

Незадолго до начала забастовок я получил рабочий кружок, состоявший из ткача фабрики Кожевникова тов. Галактионова, гравера Соколова и маляра Королева. Естественно, что стачка оттеснила на задний план наши кружковые занятия. Захваченные водоворотом событий, мы отдались агитационной работе, все более и более расширяя свои знакомства в рабочей среде. Наша маленькая группа, состоявшая из К. М. Тахтаре-

ва, В. П. Иваншина и меня, действовала вполне солидарно с „Союзом", с которым несколько позже слилась и распространяла его прокламации. Кажется, печатали и свои, но текста ни у меня, ни у покойного Тахтарева ни одной из них не сохранилось [1]).

Связи с рабочими у нас быстро росли. Через Галактионова,—человека со сложившимся уже тогда революционным миросозерцанием,—я приобрел связи на „Новой канаве", как рабочие звали Обводный канал. Помню, между прочим, совсем еще мальчика—Ильина с Новой бумагопрядильни, который был одним из лучших агитаторов и распространителей летучек. Проникли мы и на Путиловский завод и на Екатерингофскую мануфактуру. Позволю себе привести относящуюся к этому периоду выписку из своей статьи:

...„Характер завязавшихся у меня во время стачки знакомств в рабочей среде был различный. В одном случае создавалось нечто в роде кружка, в котором приходилось вести,—хотя по условиям момента и не систематические,—занятия с рабочими, в другом—знакомство поддерживалось для собирания сведений о ходе стачки и распространения агитационной литературы. На одной крупной фабрике, между прочим, наш агитатор оказался неграмотным, что не мешало ему, однако, деятельно исполнять свою роль.

Стачка проходила спокойно, рабочие обнаружили большую выдержку. Лишь в виде исключения в некоторых местах, как на Екатерингофской мануфактуре, разыгрывались беспорядки. Заводские

---

[1]) Вышла, между прочим, одна прокламация, выпущенная группой народовольцев, в распространении которой я тоже принимал деятельное участие.—Эта прокламация принципиально от с.-демократических не отличалась.

рабочие оказывали материальную поддержку стачечникам, устраивали сборы в их пользу. Движения в пользу присоединения к стачке почти не наблюдалось, да и выставленный стачкою лозунг не был достаточно для этого широк. Приходилось слышать от заводских рабочих отзывы в таком роде:

— Что же, у нас и без того 12-часовой день, а где еще и меньше, нам ихние требования не подходят.

В сферах особенно опасались забастовки Путиловского завода [1]), видными пайщиками которого состояли многие высокие особы.

В широкой публике стачка пользовалась сочувствием и отчасти находила материальную поддержку. Разговоры в конке зачастую вращались около событий дня, и робкий обыватель осмеливался до того, что иной раз громко порицал действия начальства. Из вагона конки нередко можно было наблюдать небольшие группы рабочих под конвоем блюстителей порядка в виде бравых городовых. Из окон арестных помещений при полицейских участках выглядывали бледные лица рабочих, махавших платком или пробовавших заговаривать с проходящими. Тогда еще не стреляли за выглядывание из окон. В пригородах и в поле за заставами раз'езжали конные патрули. С тех пор петербургский обыватель и не такие виды видывал, но тогда эти патрули производили впечатление" [2]).

Необычный вид имела тогда столица. В целях охраны „порядка и спокойствия" полиция распорядилась, чтобы все ворота запирались, если не ошибаюсь, в 10 часов вечера. Стачка происходила

---

[1]) Где и забастовала ненадолго паровозо-сборочная мастерская.

[2]) К.-Я. Первые шаги. «Былое», 1907 г., сентябрь.

в конце мая—июня ст. ст. Белые ночи манили в сады и на улицы, а тут рискуешь по возвращении не попасть домой. Я жил тогда на Архиерейской в деревянном доме, расположенном в глубине двора. На некотором расстоянии от дома был деревянный забор и деревянные же ворота с высокой подворотней. Сидишь иной раз вечером у открытого окна и наблюдаешь публику, преимущественно рабочую—таков был район и в частности дом, где я жил. Ворота заперты. Кто лезет в подворотню, а другой озорник нарочно перелезает через забор,—труднее, да зато забавнее. Пожилые, если не успевали возвратиться до закрытия ворот, кряхтели и ворчали; молодежь такие штуки только забавляли. Случалось и мне пользоваться теми же способами сообщения, хотя, по конспиративным соображениям, я и старался возвращаться пораньше, так как техника полицейской слежки совершенствовалась.

Анонимный автор статьи „Стачка рабочих с.-петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик", помещенной в № 1 „Листка Работника", (ноябрь 1896 года), так описывает „поведение стачечников":

„На Новой бумагопрядильне стачку начали прядильщики, а затем к ним присоединились ткачи. В пятницу 31 мая мальчики-подручные, помогающие при работе прядильщикам, не явились на работу. Прядильщики же остались на фабрике до 9 часов и затем стали расходиться, говоря, что им без подручных работать нельзя. После обеда фабрика окончательно стала: молодые рабочие останавливали у ворот всякого, кто являлся на работу. Таким образом, у ворот скоро собралась огромная толпа, к которой скоро подошли управляющий и фабричный инспектор. Конечно, и тот и другой увещевали итти на работу: один

обещал подумать о жалобах рабочих, а другой ссылался на законы, воспрещающие стачку. Тогда из толпы выделился молодой ткач [1]) и стал говорить о бедственном положении рабочих, о необходимости им бороться за улучшение своего положения, за возможность жить по-человечески. „Зачем строят для нас школы, когда нам некогда в них учиться?“. Его речь приковала к себе внимание всех рабочих. С криком „ура“ разошлись все по домам, когда речь была кончена. Хозяева или администрация фабрики прибегли к довольно наивной хитрости: 50 дворников, под видом рабочих, были отправлены на фабрику, чтобы создать иллюзию работающих штрейкбрехеров и тем сорвать забастовку. Хитрость не удалась. Потерпели крушение и попытки полиции силой заставить рабочих работать. Процедура стаскивания с кроватей и хватания на улице фабричных работниц, с которыми церемонились меньше, чем с мужчинами, оказалась слишком сложной.

На фабриках Максвеля (Петровской и Спасской) за Невской заставой стачку также начали подручные.

„...Приехал окружной фабричный инспектор вместе с участковым. Рабочим было предложено выбрать человек пять, которые изложили бы их желания. Начали было выбирать, но раздались голоса, что выбирать совсем не надо. Пусть инспектор сам выйдет и разговаривает со всеми. Оба инспектора вышли.

Окружной строго обратился к рабочим, но, получив несколько резких ответов, он изменил тон и начал уговаривать рабочих приняться за

---

[1]) Понятно, что оратор был арестован, но вскоре после окончания стачки выпущен.

Примеч. автора цитируемой статьи.

работу. Он указывал им, что их образ действий по закону считается уголовным преступлением. Тем не менее, рабочие наотрез отказались приняться за работу и заявили свои требования: $10^1/_2$-час. рабочий день, увеличение расценок и уничтожение произвольных штрафов. Участковый фабричный инспектор на это заявил им, что проект о сокращении рабочего дня до $10^1/_2$ час. уже у государя.

— Когда же этот проект будет подписан,—спросили рабочие.

— Года через два,—последовал ответ.

— Ну, так мы лучше сейчас забастуем.

— Все равно голод скоро заставит вас снова приняться за работу,—заметил инспектор.

— Помирать на мостовой будем, а работать на прежних условиях не пойдем!—раздалось в ответ со всех сторон.

При выдержанном и спокойном поведении рабочих, однако, бывали и такие случаи. Соберется толпа человек во сто.

— Ребята! Идем на Петербургскую. Мы все тут стоим, стоит весь Обводный, а те работают,—говорит какой-нибудь оратор.

— К Гуку!—раздается в толпе.

И вот утром у какого-нибудь „Гука“ или „Бека“ происходила свалка. Камни из мостовой летели в окна, попадали порой и в машины. Часом или двумя позднее можно было видеть идущую по городу толпу рабочих, оцепленную полицией... Это вели „подстрекателей“ в какой-нибудь незаполненный еще участок, где держали несколько часов или дней, потом высылали. В этих толпах, попадавшихся на улицах Петербурга, вы могли увидеть и довольно хорошо одетых „квалифицированных“, и бедно одетых чернорабочих, даже молодых матерей с ребя-

тами на руках, и отца с шагавшим подле сынишкой“ [1]).

Правительство старалось осветить по-своему редкие эксцессы толпы, сообщая, например, что „...во время иллюминации появились на Невском толпы пьяной черни из-за Невской заставы, искавшей, видимо, случая побуянить“ [2]).

Небывалая дотоле стачка пробудила рабочую мысль. Мы видим, что непосредственно из рабочей среды поднимаются голоса, стремящиеся поднять дух товарищей (прокламация „Господам рабочим петербургских фабрик“), мы имеем и опыт вполне связного и литературного изложения событий („Рассказ рабочего о стачке на ткацкой фабрике Кожевникова“, принадлежащий перу тов. Галактионова, о котором я упоминал выше). Вот оба эти документа рабочего творчества.

„Господам рабочим петербургских фабрик“.

СОВЕТ.

Начатая нами стачка для улучшения нашего положения начинает колебаться и вместе с тем имеет перевес в нашу пользу, но, к сожалению, многие падают духом и поддаются работе на прежних основаниях.

Господа рабочие! Прошу, не отдавайте себя на смех, не сдавайтесь ни один до тех пор, пока не установят требуемых нами правил.

Начатое вами дело очень важное. Об этом деле, т. е. об улучшении нашего положения, много хлопотали люди, которых мы должны благодарить; но вот глупость, которая ярко отражается на рабочем люде: мы, вместо благодарности, платим

---

[1]) Тахтарев. «Рабочее движение» и т. д.

[2]) Листки „Фонда Вольной Русской Прессы“. 1896 г

злом, которого и сами не замечаем. Мы их топим, выдаем своими необдуманными восклицаниями; многие за нас навечно осуждены на каторгу, но мы этого не замечаем и не дорожим нашими ревнителями. Но сольемтесь, братцы, в один дух и будем стойко бороться за улучшение нашего положения, сами будем грудью стоять в помощь нашим ревнителям! Заметьте, что рабочий класс прочих держав рад за нас, как только услышит, что русские настаивают на улучшении своего положения. Конечно, вам покажется странным, что иностранцы так влиятельны. Я должен бы вам об'яснить, но много времени заберет это об'яснение, да вы и сами это поймете, когда прибегнете к образованию.

Господа рабочие, товарищи! Обратите внимание и ваш взгляд на жизнь свою. Если бы вам пришлось встретить иностранца, по чину равного себе, то вы сразу сознались бы, что вы против них—дикари.

Они также были угнетаемы своими хозяевами, но, благодаря их острому понятию, давно улучшили свое положение.

Они по-нашему в часы отдыха не валяются в грязи в рваной одежде около кабаков и трактиров, не относятся с ругательством и нередко с побоями к своим товарищам, как русский мужик, а собираются вместе и толкуют об улучшении, или же захочет развеселиться—садится на велосипед и едет кататься и вместе с тем развивает свою мускульную силу. Так будем, братцы, помогать друг другу в продолжение этой стачки. У кого есть—постараемся дать соседу, у которого страдает от голода все семейство; он возьмет на ваши тридцать копеек хлеба и прокормится несколько дней. Что делать, надо потерпеть, зато улучшим положение".

Рассказ рабочего о стачке на ткацкой фабрике Кожевникова [1]).

„С 1888 года у нас на фабрике в продолжение восьми с половиною лет последовал целый ряд сбавок расценки. С некоторых товаров даже несколько раз было сбавляемо. Так, например, в 1889 году за кусок бумазеи мы (рабочие) получали по 63 копейки, и кусок был 84 арш., а в 1890 году мы стали получать по 58, 55 и 53 коп. за кусок, а кусок стал уже самое меньшее $86^1/_2$ арш., а то и в 92 и $98^1/_2$ арш. За „пике“ платили нам по 1 руб. 50 коп. с куска. „Пике“ переименовали в „фасоне“ и стали платить по 63 коп.; для „пике“ мера была 60 арш., а „фасоне“—не меньше $86^1/_2$ арш. (хотя по табелю надо бы не больше 84 арш.). Прежде для полотна мера куска была 42 арш. и платили по 32 коп., теперь по табелю значится 60 арш., но выходит 64, 66, 68 арш. и платят 42 коп., т.-е. на 20 с лишним арш. прибавили только 10 коп.

Относительно берда и ниток в основе, набора и колес—произвол полнейший, да всегда и во всем произвол. 5 минут опоздал на работу, хотя и прибежишь,—сейчас штраф; иногда стоишь у двери и смотришь в окно, тебе пишут штраф; а если гуляешь по вине хозяина, то не платят, хотя гулять приходится часто.

И вот, наконец, наши ткачи, под влиянием стачек, уже начавшихся тогда на других фабриках, прекратили работу 30 мая в 12 час. дня и не возобновляли до 12-го июня 9-ти час. утра.

Требования наши были: 12-час. рабочий день с 7 час. утра до 7 час. вечера и в том числе $1^1/_2$ часа на обед, а в субботу в 2 часа кончать совсем, при чем, конечно, чтобы заработная плата не уменьшалась прежняя, а где можно—там повысить.

---

[1]) Тов. Галактионова—см. выше. Приводится у Тахтарева.

В первый день забастовки несколько человек (около 30 из всего числа 500 рабочих) пошли работать. Но при таком количестве рабочих могла попортиться машина, и рабочих пришлось выслать, а фабрику совсем остановить. Управляющий сделал это, надеясь, что утром все вернутся на работу (наш управляющий из простых, без всякого образования, у него на фабрике много родственников и земляков. Он поет на клиросе у Предтечи. Вообще его попы и глупые люди считают хорошим человеком. По всей вероятности и он о себе думал тоже, что он кормилец и благотворитель рабочих, но он жестоко ошибается: теперь он увидел себя таким, каков он есть на самом деле по отношению к рабочим).

На следующий день, в половине пятого утра, нагнали массу полицейских, боясь, что рабочие-зачинщики стачки будут останавливать работающих. Но останавливать вовсе некого было, потому что ни один из рабочих утром даже не выпел (на работу) из своей квартиры, за исключением одного старика, Семена Плешивого. Таким образом, полицейские немало были удивлены, когда то же самое повторилось несколько раз: каждое утро они собирались восстановлять порядок, а мы спокойно спали по своим квартирам. Наконец, они решили действовать иначе: на 4-й день забастовки пошел слух, что утром околоточный, городовые и дворники будут брать с квартир и таскать на фабрику силой. Я, признаться, мало этому верил, но многие из рабочих запаслись водкой и, так как погода была теплая, разошлись на ночь кто куда.

И, действительно, с вечера полицейские стали к чему-то приготовляться; в подкрепление к городовым пригнали много жандармов, которые раз'езжали по фабричным улицам и гнали рабочих в квартиры. Улицы буквально опустели, и насту-

пила какая-то зловещая тишина; чувствовалось, как приближалась минута борьбы. Неравенство силы каждому было ясно, а главное—у каждого мало было надежды на остальных товарищей.

Но вот, наконец, настало утро. Действительно, безобразие полиции восстало перед рабочими во всей своей наготе. Около пяти часов утра во двор дома № 2 по Воронежской улице, где помещается около 3-х четвертей всех рабочих Кожевниковской фабрики, пригнали массу жандармов и полицейских с дворниками.

Околоточные, в сопровождении городовых и дворников, стали ходить по квартирам и таскать с постели. Раздетых женщин брали с постели от мужей. Особенную ревность в этом деле проявил околоточный 3-го участка Александро-Невской части, Рапоткин. Таким образом полицейские разбудили и выгнали из дома большую половину его жильцов. Впрочем, большая часть разошлась только из квартир и попряталась, кто на чердак, кто в уборную. Несмотря на то, что на фабрику водили под руку, всего удалось угнать туда человек 20, и те с 8 час. утра ушли все до единого...

Затем, за подписью градоначальника, появились об'явления, приглашавшие рабочих под угрозой уголовного преследования в трехдневный срок приняться за работу. Но рабочие только посмеивались над этим об'явлением и говорили: „наши лучше“,—т.-е. прокламации. Особенно понравились народовольческие [1]). И при сравнении министерских прокламаций с народовольческими рабочие говорили: „вот бы кого поставить инспектором, а не этих дурней“. Вообще прокламации

[1]) Одна. Я ее тоже распространял (см. выше); написана группой, сильно склонявшейся к марксизму. Автор „рассказа“, т. Галактионов, сам—бывший народоволец. *К.-Я.*

у нас читались очень охотно, и всегда рабочие при чтении замечали: „вот правда-то где!“. И в самом деле: ведь мы чувствовали, только сказать не могли, как написано. Замечу еще, что не осталось ни одного человека на всей фабрике, кто бы не читал прокламаций или книжек, в таком же духе написанных.

В первый день стачки, часа в 4 вечера, явился фабричный инспектор и попросил об'яснений. Рабочие заявили свои требования. Инспектор же приглашал начать работы, а дело обещал разобрать и сделать, если можно, все, как требуют. Но рабочие требовали сначала сделать так, как требуют, а потом они начнут работу и, конечно, эти об'яснения ни к чему не привели. Потом инспектор являлся чуть не каждый день и до того надоел, что мы перестали с ним разговаривать“.

Далее автор „рассказа“ передает о попытках градоначальника и судебных властей (следователя) заставить рабочих выйти на работу и продолжает:

„Когда фабрикант убедился, что никто не в состоянии заставить рабочих приняться за работу— ни полиция, ни следователь (а в начале стачки он на них очень надеялся и даже попросил, чтобы ему выслали казаков отодрать рабочих и плетью заставить работать; но драть было нельзя потому, что рабочие вели себя примерно), то переменил свой тон. Выйдя на улицу, он стал зазывать рабочих поговорить с ним. Рабочие от себя послали дворника, чтобы Кожевников, если желает говорить, выслал полицию и управляющего прочь. Он так и сделал, но попросил рабочих к себе во двор. Здесь рабочие, быть может, в первый раз почувствовали себя равными фабриканту и стали говорить ему горькую правду, что он дал волю управляющему и нас от себя гонит прочь.

— Благо тебе хорошо, а мы работаем чуть не даром,—говорили они.

Когда же хозяин стал оправдываться, то рабочие чуть не бранью отвечали, что он самым бессовестным образом сбавлял расценки и прибавлял меры в кусках. Тогда он сказал:

— Хорошо, вы только начинайте работать, я расценки прибавлю, но время я сейчас сбавить не могу; дело теперь как ваше, так и мое разбирается, а если я убавлю время, то меня посадят за это в тюрьму.

Наконец, рабочие, как ни крепко стояли они с начала дела и как ни надеялись тогда на успех его, стали терять надежду; да кроме того, у многих и экономическая необеспеченность давала себя знать самым чувствительным образом, и под влиянием этого рабочие мало-по-малу начинали работать, и уже 12 июня фабрика пошла полным ходом.

Но духом мы не упали и при первой же возможности повторим то же самое.

Жаль, что у нас трудно устраивать кассы на случай стачки.

Будь у нас хлеб, мы не прекратили бы стачки, и царское правительство не могло бы похвастать своими „разумными“ мерами“.

Как русская эмиграция за границей, так и широкие общественные круги отозвались на Русскую стачку. Стачку называли „великой“, и если русское правительство сильно преуменьшило число забастовщиков, низводя его менее, чем до 15 тысяч, то за границей называли цифру в 42 и даже 50 тысяч (вместо действительных 30—35 т.).

Летучие листки, издаваемые „Фондом Вольной Русской Прессы“ в Лондоне под редакцией Ф. Волховского, публиковали воззвания о пожертвованиях в пользу стачечников, подписанные Комитетом Фон-

да, состоявшим из Ф. Волховского, Л. Гольденберга, Е. Лазарева, Н. Чайковского и Л. Шишко.

Образовался Соединенный Комитет по делам Русской стачки, состоявший из представителей Фонда и вождей английского рабочего движения.

Социалистические газеты Justice, The Clavion, Weekly Times and Echo взывали о пожертвованиях и помещали отчеты. Falian News поместила сочувственную статью. Даже буржуазные газеты откликнулись на стачку (Daily Mail, Times). В Daily Mail писалось: „Движение это представляет эпоху в истории труда в России, главным образом, в виду того, что это—первая стачка, принявшая такие широкие размеры и охватившая одновременно столь разнообразные местности (?) и отрасли труда. Забастовки на отдельных фабриках происходили и раньше, но никогда еще не обнаруживалось такого поразительного единодушия, такого ясного понимания рабочими общности их интересов“ [1]).

Женевский „Работник“, издаваемый „Союзом русских социал-демократов“, в статье петербуржца „По поводу С.-Петербургской стачки“ подчеркивает необходимость политической борьбы, как вывод из стачки. „Борьба с самодержавием отныне должна стать лозунгом рабочего класса“ („Работник“ 1897 г., № 3—4).

Наконец, мы получили так-называемый адрес английских рабочих, который в переводе А. Н. Потресова был опубликован „Союзом“. Этот „адрес“ имеется в числе других документов в историко-революционном архиве Ленинградск. истпарта.

Привожу его полностью:

„Письмо Лондонского Совета Рабочих Союзов от 13 августа 1896 года. Союзу борьбы за освобождение рабочего класса.

---

[1]) Перепечатка из листка Ф. В. Р. П.

Лондонский Совет Рабочих Союзов.

Лондон, 13-го августа 1896 года [1]).

Организационному Комитету С.-Петербургской стачки.

Товарищи!

Соединенный Комитет, организованный здесь для собирания денег в пользу Великой С.-Петербургской стачки, шлет вам свои братские поздравления и выражает свое сердечное удовольствие по поводу результатов, достигнутых вашими усилиями. Мы считаем нужным отметить, что под влиянием стачки русское правительство нашло себя вынужденным назначить комиссию для установления путем закона минимальной заработной платы [2]) и сокращения рабочего дня; конечно, еще неизвестно, что в самом деле предпримет правительство, но мы вполне уверены, что те, которые умели так стойко переносить лишения и так мужественно бороться во время стачки, сумеют добиться победы и в этом случае. Соединенный Комитет желает также сообщить вам, что известие о вашей стачке принято здесь с величайшим удовольствием, лучшим доказательством чему и служит выражение своего сердечного сочувствия британскими рабочими в самой практической форме подписки в пользу основанного нами фонда Русской стачки. Окончательным результатом усилий нашего Комитета нужно считать, кроме 65 фун. стерл. (около 650 рублей), уже пересланных вам Комитетом Фонда Вольной Русской Прессы, имеющуюся в наших руках сумму в 70 фун. стерл.,— около 700 рублей, собранных по подписке в пользу

---

[1]) Стачка окончилась в июне, ответа на письмо английских рабочих, написанного по поручению «Союза» А. Н. Потресовым, я не нашел.

[2]) Сведение не верно.

петербургских стачечников; означенная сумма будет переслана по назначению, как только мы вступим в прямые сношения с вами. Для нас крайне важно и желательно иметь от вас письмо, которое, мы уверены, будет принято британским народом за вещественное доказательство международных товарищеских отношений, которые существуют между нами; мы, конечно, понимаем те трудности и опасности, при которых вам приходится работать, и потому не настаиваем, чтобы письмо ваше было подписано какими-нибудь именами, тем не менее, мы убедительно просим вас (прислать) нам прямое известие от вашего Комитета, которое мы могли бы показать здешним рабочим. С отсылкой собранных денег и опубликованием отчета о них работа нашего Комитета будет окончена; однако же, мы уверены, что при повторении подобных обстоятельств британский народ не замедлит опять выразить свою готовность оказать поддержку своим русским братьям. Поэтому, имея в виду, что наша помощь может потребоваться в будущем, мы самым настоятельным образом обращаем ваше внимание на необходимость сообщить с вашей стороны имя какого-нибудь вполне надежного лица в России, на которое мы могли бы переводить деньги через какой-нибудь банк, во избежание ненужной потери времени, так как помощь для того, чтобы быть действительной, очевидно, должна быть и быстрой. Препровождаем это письмо тем же вполне надежным путем, который был рекомендован нам вашими русскими товарищами, и надеемся, что вы сможете ответить нам таким же образом.

С наилучшими пожеланиями всякого успеха в нашем деле. Остаемся братски вашими:

Почетный секретарь *Дж. Макдональд.*

Почетный секретарь *Н. Чайковский.*

Члены Комитета: *Бен-Купер*, председатель Лондонского Сов. Рабоч. Союза; *Дж. Грегори*, депутат О-ва каменщиков в Лондонском Сов. Рабоч. Союзов; *В. С. Стедман*, муницип. советник О-ва корабельных плотников в Л. С. Р. Р.; *Том Манн*, генеральный секретарь Независимой Рабочей Партии; *Виллъ Торн*, депутат Союза газовых рабочих и чернорабочих; *Бэн Тиллет*, муницип. советник, депутат от Союза доковых рабочих; *Дж. Г. Вильсон*, член парламента, депутат Союза матросов и кочегаров; *Мэйнелъ Дэвит*, член парламента от Ирландии; *Дж. Ф. Грин*, *Г. Перрис*, *Ад. Смит*, — представители О-ва друзей русской свободы; *Ф. Волховский и Лазарь Гольденберг* от Фонда В. Р. П.

Кассиры: *Эд. Пин*—от Общества друзей русской свободы и от Фабианского о-ва и *В. Кэджерс* от Лондонского Совета.

Секретари Комитета: *Дж. Макдональд*, секретарь Лондонского Совета и *Н. Чайковский*, председатель Фонда Вольн. Русск. Прессы.

Декабрь, 1896 года".

Мы видели, насколько скромны были требования рабочих, мы видели, с каким спокойным достоинством держались стачечники, мы видели, что и заграничная пресса — не только эмигрантская — сумела оценить историческое значение стачки. Только царское правительство не поняло истинного смысла происходивших событий. В ряде об'явлений градоначальника Клейгельса, в обращении министра финансов Витте к рабочим звучал все тот же, возведенный впоследствии Столыпиным в боевой лозунг, роковой мотив: „прежде успокоение, а потом реформы". Рабочим предлагалось приступить к работе, указывалось на незаконность стачки, на то, что правительству

одинаково дороги интересы фабрикантов и рабочих, обещалось со временем сокращение рабочего дня. Фабриканты, которые несли большие убытки от стачки, склонялись к уступкам, но правительство боялось уступками „уронить престиж власти“. Непосредственный результат стачки с узко-материальной стороны был не велик: рабочие получили за коронационные дни, кое-где даже, хотя и в половинном размере, за дни стачки, кое-где были уплачены за лишние проработанные минуты и т. д. И только летом следующего года, после того, как петербургские рабочие в январе новой стачкой напомнили о себе правительству, последовало законодательное сокращение рабочего дня.

Но не в этих непосредственных результатах заключается значение этой стачки. Она революционизировала широкие рабочие массы, на место классового инстинкта она поставила классовое самосознание; в значительной степени благодаря ей разрозненные социал-демократические кружки вскоре превратились в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Рабочий класс сознал свою силу, понял, что царское правительство ему не друг, а враг; и хотя иллюзии о царе-батюшке, как показало потом 9 января 1905 года, были не вполне изжиты, но после стачки у многих рабочих открылись глаза на истинную природу самодержавия, многие могли бы от души воскликнуть вместе с немецким поэтом:

„Проклятье ему, королю всех счастливых:
Не жаль ему нас, бедняков терпеливых.
Последний он грош отнимает у нас...
„Стрелять по собакам!“ — он отдал приказ“.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ Инв. №

Цена 10 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1926 Г. НА

ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА"

52 номера в год (каждый номер размером 32 стран.).

Дешевая Библиотека имеет своей задачей дать в доступной форме для самого широкого круга читателей изображение отдельных этапов и моментов истории русского революционного движения, биографии революционных деятелей, а также репрессивной политики самодержавия (казни, каторга, тюрьма и т. д.).

ВЫШЛИ:

1—2. **Феликс Кон**—„Пролетариат". С 26 портрет. . . **30** коп.
3. **Викторовский**—А. И. Ульянов . . . . . **10** »
4. **Г. Лурье**—А. А. Костюшко-Валюжания . . . . . **10** »
5. **Первое мая в тюрьме и ссылке.** Сб. воспоминаний. **10** »
6. **Г. Г. Сушкин**—Маевки прошлого. Воспоминания о маевках в 1901 и 1902 г.г. . . . . **10** »
7. **В. Катин-Ярцев**—Историческая стачка (1896) . . **10** »
8. **Ю. Бочаров** — Е. О. Заславский. Основатель «Южно-Российского Союза Рабочих». С порт. **10** »
9—10. **Н. М. Дружинин**—А. В. Якимова (Кобозева). Член Исп. Ком. «Народной Воли». С порт. **20** »

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год—52 номера —4 руб. 50 коп.
„ ½ года—26 номеров—2 руб. 50 коп.

} С доставкой и пересылкой

Подписку направлять в контору изд-ва всесоюзного о-ва политкаторжан.

Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-37